

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Богомолова Д.К. Сербско-черногорские отношения и перспектива создания Балканского союза в 1904-1905 гг.

// Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.3.70835 EDN:

COGXJH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70835

Сербско-черногорские отношения и перспектива создания Балканского союза в 1904-1905 гг.

Богомолова Дарья Константиновна

аспирант, исторический факультет, Московский Государственный Университет

115409, Россия, г. Москва, ул. Кошкина, 13к1

✉ bogomolova.dasha@gmail.com

[Статья из рубрики "Регионы мира в мировом историческом процессе"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.3.70835

EDN:

COGXJH

Дата направления статьи в редакцию:

24-05-2024

Дата публикации:

01-06-2024

Аннотация: Статья посвящена анализу перспектив создания Балканского союза в 1904-1905 гг., идея которого возникла под влиянием обострения международной политической обстановки в связи с Восточным вопросом, а также ввиду начала Илинденского восстания в Македонии. Это стало первой в XX в. попыткой молодых славянских государств объединиться и согласовать совместные цели внешней политики в борьбе против Османской империи. Основными источниками послужили дипломатические документы балканских стран, а также донесения российских дипломатов, анализ которых позволил прийти к выводу, что достигнутые договоренности в ходе переговоров между Сербией, Болгарией и Черногорией, хотя и не привели к окончательному формированию альянса, в дальнейшем все же сыграли большую роль и легли в основу Балканского союза 1912-1913 гг., а также подчеркнули роль Российской

империи как арбитра в межбалканских отношениях. Основное внимание в статье уделяется анализу сербско-черногорских переговоров, направленных на заключение союзного договора между странами и укрепление двусторонних отношений, что стало возможным после смены правящей династии в Сербии. Несмотря на то, что поначалу сербскими и черногорскими политиками высоко оценивалось значение возможных договоренностей, позднее переговоры были провалены по причине серьезных разногласий между сторонами по вопросу будущего территориального разграничения в случае победы над Османской империей и невозможностью выработки компромиссного текста договора. Проведенное исследование позволило значительно дополнить и расширить картину сербско-черногорских и межбалканских переговоров 1904-1905 гг. и прийти к выводу, что в этот период еще не сложились условия для сближения и координации внешнеполитических целей между славянскими странами Балканского полуострова, а начало переговоров о формировании Балканского союза было продиктовано в большей степени временным обострением обстановки в связи с восстанием в Македонии.

Ключевые слова:

Сербия, Черногория, Болгария, дипломатические отношения, внешняя политика, сербско-черногорские отношения, межбалканские отношения, Российская империя, Балканский союз, Илинденское восстание

Неудавшийся Балканский, и как его составная часть, сербско-черногорский союз 1904-1905 гг. стали первыми в XX в. попытками славянских стран полуострова преодолеть взаимные противоречия и согласовать совместные цели внешней политики. В его основу впервые закладывался принцип «Балканы – балканским народам», ставший затем полноценной идеей, девизом Первой балканской войны. Под влиянием новых противоречий в европейской политике, Сербия и Болгария с одной стороны, Сербия и Черногория с другой, решают объединить усилия для борьбы за свои интересы в европейских областях Турции, населенных славянами, и защиты от попыток Австро-Венгрии усилить экспансию на Балканском полуострове. Начальным этапом этого объединения должны были выступить секретные двусторонние соглашения. По ряду причин договориться удалось лишь Сербии и Болгарии. Затянувшиеся переговоры между сербским королем и черногорским князем результата не дали. Таким образом, в этот период создание балканского союза не увенчалось успехом. Особенности переговоров между Сербией и Черногорией подробно рассмотрены в работах таких исследователей, как Л. Алексич-Пейкович, Н. Ракочевич и Н. И. Хитрова [\[1, с. 327-357; 2, с. 18-38; 3, с.185\]](#). Однако, в упомянутых исследованиях историки сосредотачивались, в основном, на внутренних факторах, повлиявших на неудачный исход переговорного процесса.

Представляется интересным дополнить этот сюжет анализом того, как в этот период воспринималась и трансформировалась идея сближения среди сербских и черногорских политиков, и каким образом повлияла на это перемена политической ситуации на Балканском полуострове и в целом Европе.

К началу XX в. Османская империя стремительно теряет влияние на своих европейских территориях, превратившихся в арену экономического и геополитического соперничества великих держав, активно формирующих военно-политические альянсы. Значительным образом усиливается и балканский фактор – вышедшие из-под османского владычества молодые государства всеми силами стремятся реализовать свои

национальные программы и стать равноправными субъектами международных отношений в Европе, что было бы невозможным без освобождения той части христианского населения, которая до сих пор жила под гнетом османов.

Во второй половине 90-х гг. XIX в. на фоне волнений на о. Крит и последующей за ними греко-турецкой войны весной 1897 г. вновь остро в европейской политической повестке встает т.н. восточный вопрос и проблема Проливов. Российская империя в этот период значительно активизирует свою политику на Дальнем Востоке, отдавая приоритет именно этому направлению, в результате чего происходит и корректировка ее курса по отношению к Балканам, где становилось все труднее экономически конкурировать с европейскими державами. Таким образом, наиболее приемлемой российскому МИД и министру А. Б. Лобанову-Ростовскому виделась политика равновесия, баланса между Францией и Тройственным союзом. Поэтому, желая обезопасить себя от необходимости, в случае обострения, действовать «на два фронта», но сохранить свое влияние в регионе, Россия в апреле этого же года, в нарушение исторической традиции, идет на заключение договора с Австро-Венгрией о сохранении статус-кво на Балканском полуострове. «Нам надо было поставить Балканы под стеклянный колпак, пока мы не разделаемся с другими, более спешными делами» – писал по этому поводу министр иностранных дел [\[4, с. 288\]](#). Соглашение было весьма спорным – основные противоречия заключались в желании Австро-Венгрии закрепить за собой право на аннексию территорий Боснии и Герцеговины, находившихся с 1878 г. под австрийской оккупацией, и захват Новопазарского санджака. Отдельным пунктом стоял план по созданию независимого албанского государства. В ответ на эти неприемлемые для России пункты, МИД выдвинул ответные пожелания, в результате чего соглашение свелось к гарантиям поддержания в регионе существующего к этому моменту положения.

В то же время, Россия не стремилась отказаться от своей исторической миссии по защите христианского населения европейских территорий Турции, и по мере сил пыталась дипломатическим путем способствовать южнославянским государствам, в первую очередь, Болгарии и Сербии, в осуществлении их национальных задач. Этой цели служила успешная работа сети российских консульств на территории Македонии (в Скопье и Битоле) и Старой Сербии (Призрен). Своего рода продолжением русско-австрийского сотрудничества в регионе стало Мюрцштегское соглашение, заключенное осенью 1903 г., после того как турецкими властями было подавлено Илинденское восстание в Македонии. Жесткие карательные меры османской администрации привели к непосредственному вмешательству европейской дипломатии, в результате чего Россия и Австрия потребовали незамедлительно провести целый ряд административных, политических и судебных реформ под наблюдением европейских представителей.

Обострившаяся обстановка в регионе взволновала правительства балканских государств, которые расценивали произошедшие события как новый виток кризиса и борьбы великих держав за влияние на Балканах. Оправданными были опасения, что в эту борьбу могут быть втянуты и славянские страны. В разгар восстания в Македонии сербский посол в России М. Спалайкович телеграфировал руководству о том, что программа российской внешней политики в восточном вопросе входит в новую фазу и даже не исключал в недалеком будущем войны России с Турцией [\[5, с. 302\]](#). «Консервативная и терпеливая политика России, ее опыт и последствия во внутренней жизни из-за последней войны с Турцией, политический хаос и переменчивость во взглядах и поступках отдельно взятых балканских государств – все это до сих пор вынуждало Россию сперва исчерпать все меры мирной политики по отношению к Турции, прежде чем решиться приступить к окончательному разгрому Османской империи в

Европе», – писал Спалайкович [\[5, с. 303-304\]](#). Среди причин подобных перемен посол особым образом выделял убийство в августе 1903 г. турецким жандармом албанского происхождения российского консула в Битоли А. А. Ростковского. Это убийство положило конец терпению Петербурга. Все показательные попытки Порты принести извинения не увенчались успехом: в России уже не были готовы простить убийство дипломата и легко замять кризис, как в марте 1903 г., когда во время албанского мятежа смертельные ранения получил российский консул в Косовской Митровице Г. С. Щербина.

Энергичные меры, предпринятые российским МИД в попытках призвать к ответственности турецкие власти, и целый ряд ультимативных требований, показали, что Россия готова, как и раньше, жестко отстаивать свои интересы. В подтверждение своих намерений в турецкие воды 11 августа была направлена эскадра из четырех кораблей Черноморского флота [\[6, с. 147\]](#). Тем не менее, все эти действия не означали готовность предоставить карт-бланш балканским государствам на поддержку сепаратизма в европейских областях Османской империи. Министр иностранных дел России В. Н. Ламздорф, как и прежде, настаивал на строгом сохранении статус-кво и призывал славян (в первую очередь болгар) не препятствовать принятой политической программе по принуждению Турции к строгому проведению реформ в вилайетах [\[6, с. 148\]](#). Появление русских броненосцев у турецких берегов обеспокоило дипломатов и создало опасный прецедент, который мог серьезно осложнить все дальнейшие переговоры. Сербский посол в Константинополе Й. Христич полагал, что это еще больше подстегнет бунтовщиков к беспорядкам и убедит их в неизбежности войны, и писал, что «Россия не должна медлить с отводом своего флота, если не хочет, чтобы восстание охватило всю Турцию» [\[5, с. 331, 357\]](#). 23 августа, после расследования убийства А. А. Ростковского и публичной казни виновных в этом преступлении, русские корабли действительно спешно были отозваны обратно [\[6, с. 148\]](#).

Илинденское восстание оказало весьма значимое влияние на взаимоотношения славянских стран Балканского полуострова. Его размах и темпы во многом явились неожиданностью для балканской дипломатии, но вскоре стали получать все больше откликов. Первой откликнулась Болгария, где сразу же поддерживали действия македонских повстанцев отправляя к ним добровольцев и оружие, оказывая им материальную помощь. Затем тайную поддержку стали оказывать сербы и черногорцы. Благодаря организованной в Сербии среди местных македонцев агитации, которую не удавалось погасить сербскому министерству внутренних дел, в Македонию с территории королевства регулярно отправлялись многочисленные четы [\[5, с. 443-444\]](#). Сербский посол в Болгарии сообщал о приезде в страну черногорского офицера, который должен был, якобы по прямому поручению черногорского правительства, установить связь с македонскими повстанцами, а также о переговорах одного из болгарских офицеров с правительством Сербии [\[5, с. 363\]](#). Активное участие в черногорско-болгарских переговорах, согласно донесению посла, принимал болгарский посол в Черногории Д. Ризов.

Отношение к Болгарии в этих условиях со стороны великих держав и России начинает стремительно портиться, ее все чаще оценивают как подстрекателя, так как из-за ее поддержки Илинденского восстания вполне реальной становилась угроза болгаро-турецкой войны. Это могло в одночасье разрушить статус-кво, над которым столько бились и в Петербурге, и в Вене. При этом, необходимо отметить, что мнения российских дипломатов по этому вопросу отличались до противоположности, о чем упоминал в своих мемуарах известный английский дипломат Дж. Бьюкенен. Так, посол России в Константинополе настаивал на немедленном подавлении македонского движения, а

посол в Софии убеждал руководство как можно скорее оказать ему помощь [\[7, с. 58\]](#). Не желая терять симпатии Российской империи, официальные Сербия и Черногория стремились дистанцироваться от македонских проблем. Своей опорой на Балканах в это время в российском МИД начинают считать именно Сербию. В начале сентября 1903 г. в беседе с прибывшим в Петербург выдающимся сербским политическим деятелем С. Новаковичем, министр иностранных дел В. Н. Ламздорф особенно подчеркнул корректную позицию Сербии и заявил, что «каждый отдает должное зрелости и умеренности сербского народа и Сербии, и что сегодня, более, чем когда-либо, в разговорах между великими державами считаются с ее правами» [\[5, с. 413\]](#). В Болгарии же поняли, что никто из балканских держав официально ее не поддержит, а бороться с Турцией в одиночку страна была совершенно не готова.

В то же время, новый виток противоречий между великими державами и Портой, не мог не вызывать озабоченности на Балканах, где все больше задумывались о своей роли в условиях этого противостояния. Несмотря на ненадолго установившееся равновесие после заключения Мюрцштегского соглашения, события августа-сентября 1903 г. подтолкнули балканских соседей к налаживанию связей и сотрудничества перед лицом кризиса, который, как им казалось, неизбежен, и впервые наметилась тенденция к координации действий между славянами в борьбе против внешней экспансии. В Сербии, Болгарии и Черногории не питали иллюзий относительно того, чем может грозить новое австро-русское соглашение, воспринимавшееся, во первых, как удар по славянским интересам, а во вторых, как своего рода «полумера», которая может лишь осложнить как саму суть македонской проблемы, так и реальное положение христианского населения [\[8, с. 72, 86\]](#). Весьма подробно писал об этом сербский посланник в Турции Й. Христич: «Без всякого сомнения, таким образом, что она (Австрия – Д.Б.) не откажется так легко от этого договора, который ей дает, в каком-то смысле, право вмешиваться в дела региона; право, которое Россия так упорно оспаривала, а сейчас явно признает и совместно с ней делит перед целой Европой. <...> Мы должны особенно обращать внимание на этот факт и им руководствоваться. Действовать иначе, особенно сегодня, в такой серьезный и, быть может, судьбоносный для нас момент – значит идти против интересов Сербии. <...> Россия, прежде всего, заботится о своих, исключительно русских интересах, и им она никогда не предпочтет никакие интересы славянские» [\[5, с. 320-330\]](#). Солидарен с этими положениями и свидетель настроений в болгарском обществе Дж. Бьюкенен: «Хотя некоторые из этих мер были приняты болгарским правительством с удовлетворением, весь план в целом был испорчен в его глазах тем фактом, что проведение его возлагалось на Австрию и Россию, на двух наиболее реакционных и эгоистических членов европейского концерта держав. <...> в данный же момент, кроме боязни самоизоляции на случай поражения, правительство Болгарии было озабочено мыслью о том, что, воспользовавшись русской разрухой, Австрия оккупирует северные округа Македонии» [\[7, с. 59\]](#). Подобного мнения относительно опасности принятой программы и последствий русско-австрийского сотрудничества в виде усиления экспансионистской политики Вены придерживались и в Черногории.

На этом фоне, в сентябре 1903 г. были предприняты первые попытки сербских и черногорских политических деятелей наладить диалог после длительного противостояния Обреновичей и Негошей-Петровичей. Необходимо отметить, что в июле того же года Сербия временно отозвала своего посла из Цетинье и не возвращала его в течение следующих четырех лет [\[2, с. 21\]](#). Черногория же не имела своего представителя в Белграде вплоть до 1913 г. По этой причине дипломатические контакты между странами были сильно осложнены и происходили либо на основе прямой переписки

между министрами иностранных дел, либо путем встреч сербских и черногорских дипломатов в других иностранных миссиях.

Одна из таких встреч произошла в сентябре 1903 г. в Константинополе между главой черногорского МИД Г. Вуковичем и сербским послом в Османской империи С. Груйичем. Дипломаты обменялись мнением относительно политической ситуации на фоне македонского восстания и нового плана реформ и пришли к выводу, что «она губительна как для нашего народа в Турции, так и для двух сербских государств» [\[5, с. 805\]](#). Оба дипломата выступили инициаторами улучшения сербско-черногорских отношений и согласились с необходимостью заключения военно-политического соглашения между странами. В это же время между Болгарией и Сербией также начались переговоры о возможном союзе. Однако в это время идея соглашения Сербии с Черногорией не получила дальнейшего развития. Вернувшись в конце сентября в Белград, С. Груйич занял пост председателя правительства и столкнулся с рядом внутривластных сложностей, требующих немедленного решения [\[5, с. 805\]](#). Налаживание отношений с Цетинье отошло на второй план вплоть до конца 1903 – начала 1904 гг. и возобновилось, когда на Балканах стали опасаться, что, занятая подготовкой к войне с Японией, Россия едва ли сможет защитить интересы славян.

В конце декабря 1903 г. Г. Вукович шлет письмо С. Груйичу с напоминанием о достигнутых договоренностях и предложением перейти к конкретным действиям по заключению соглашения. «Не удивляйтесь нашему нетерпению. Неопределенность в наших отношениях в таких условиях становится не только невыносима, но и в крайней степени опасна для обеих стран» – писал министр [\[5, с. 805\]](#). Содержание письма также весьма примечательно и тем, что в нем находят отражение и личные политические убеждения Г. Вуковича, одного из наиболее выдающихся политических деятелей Черногории, ближайшего помощника и близкого друга князя Николы. Вукович являлся искренним сторонником идеи южнославянского объединения, и никогда не отделял черногорцев от сербов, признавая при этом главенствующую роль Сербии в деле собирания славян под эгидой единого государства [\[8, с. 145\]](#). В этом письме он еще раз подтверждает эту точку зрения, расценивая грядущий союз как крайне важный и даже судьбоносный для всех славян. «Давайте же приготовимся ко всем жертвам, которые от нас по праву ждет целый сербский народ. <...> Если мы не устроим все это как можно скорее, представьте себе, какую страшную ответственность за будущее сербского народа мы на себя примем» – заключает Г. Вукович [\[5, с. 805-806\]](#).

Сербы откликнулись на призыв Черногории и в январе отправили в страну королевского адъютанта подполковника Драгашевича, чтобы тот выразил готовность правительства Сербии к переговорам о союзе [\[5, с. 921\]](#). 10 февраля Г. Вукович передал согласие князя Николы на все пункты прелиминарного соглашения [\[5, с. 921-922\]](#), и началась разработка текста основного договора, который было решено держать в тайне. И хотя на этом этапе между сторонами было достигнуто взаимопонимание, позднее ситуация показала, насколько по-разному к союзу относились в Сербии и в Черногории, и почему в итоге договор так и остался на бумаге.

Стоит сказать, что поначалу возможный союз не рассматривался сербскими политиками серьезно и виделся лишь как один из возможных тактических шагов в борьбе за освобождение европейских территорий Турции и как защита от возможных попыток Австрии аннексировать Новопазарский санджак в момент, когда Россия отвлечена войной. При этом, сербское правительство строго придерживалось русских

рекомендаций и разделяло необходимость поддержания статус-кво, что не раз подчеркивал Н. Пашич, занявший в начале февраля 1904 г. пост министра иностранных дел. 1 февраля в письме своему другу, сербскому послу в Вене М. Вуйичу он подчеркивал, что основа сербской внешней политики – это «поддержание мира» и «помощь в реформах, которые предложили Россия и Австрия» и писал, что и дальше будет в этом духе развивать дружественные отношения со странами [\[5, с. 943\]](#).

В Черногории в этот период придерживались противоположного мнения, однако на то были причины. В беседах с российским военным агентом в Цетинье Н. М. Потаповым Князь Никола в этот период крайне негативно отзывался о Мюрцштегских реформах и русско-австрийском сотрудничестве: «Я трепещу <...> при мысли о том, что Россия, втянутая в войну с Японией может предоставить дело умиротворения Македонии одной Австро-Венгрии. Уж лучше бы дать возможность самим балканским славянам свести счеты с их исконным врагом, турками, чем передавать это в руки австрийцев, бесконечно более для них ненавистных, чем даже турки!» [\[9, с. 97\]](#). Весьма своеобразно оценивал правитель и перспективы сербо-черногорского и в целом, общеславянского сотрудничества, не упуская случая обратить на себя внимание России. «Доложите, полковник, своему начальству, – продолжал князь Николай, – что Черногория с ее князем является в настоящее время единственным оплотом южнобалканского славянства. Ни король Петр сербский, ни Фердинанд болгарский не пользуются среди местных славян таким престижем, как я. Пусть правительства Сербии и Болгарии по интригам врагов России будут настроены против нашей великой покровительницы. Но верьте мне, полковник, одного моего слова будет достаточно для того, чтобы не только сербы Боснии, Герцеговины, Старой Сербии и нынешнего королевства поднялись против своих правительств и присоединились к нам для общей борьбы за славянское дело, но даже большая часть болгар примкнула бы к нам с этой целью...» – цитировал слова правителя в одном из своих донесений января 1904 г. военный агент [\[9, с. 97-98\]](#).

Подобная, крайне резкая риторика черногорского правителя объяснялась, прежде всего, оправданными опасениями, что Австро-Венгрия готовится к аннексии территорий Новопазарского санджака, буферной зоны, отделяющей Черногорию от Сербии, а также являлась своеобразной попыткой князя Николы напомнить России о своей преданности. Российский посол А. Н. Щеглов сообщал руководству: «Его крайне тяготит полная неизвестность, в котором он находится в настоящие трудные времена относительно будущего его княжества. Со всех сторон доходят до него известия о приготовлениях Австрии к активной политике на Балканах и слухи о готовящихся весной кровавых смутах по соседству с Черногорией. Между тем Россия не говорит ему определенно, должен ли он готовиться к войне или сидеть смирно, чтобы ни произошло в Европе» [\[9, с. 112\]](#). МИД, однако, был на этот счет лаконичен и спокоен, передавая, что Черногории «вообще нечего беспокоиться» [\[9, с. 114\]](#).

Но в княжестве продолжали получать неудовлетворительные известия, свидетельствующие об увеличении численности австрийских войск вдоль черногорских границ в Санджаке и Боснии и Герцеговине, регулярных поставках вооружения и запасов продовольствия. Военный агент Н. М. Потапов докладывал в Генеральный штаб о том, что австрийцы оказывают поддержку местным албанским племенам, а также ведут тайную агитационную работу, расклеивая в пределах Новопазарского санджака различные прокламации [\[9, с. 121\]](#).

Беспокойство постепенно передавалось и сербским дипломатам, чьи донесения в этот

период практически полностью сводятся к попыткам обратить внимание министерства иностранных дел на происходящее. Из информации, приходившей в феврале-марте из сербских консульств в Македонии, следовало, что реформы никаких успехов не имели; в то же время неуклонно возрастало влияние Австрии, а российское – падало [\[5, с. 954\]](#). Помимо этого, налицо были попытки Австро-Венгрии воспользоваться ст. 25 Берлинского трактата, по которому за ней фактически закреплялось право оккупации Новопазарского санджака, столь важного для национальных сербо-черногорских интересов. Первым шагом в этом направлении были попытки Вены вывести эти территории из-под действия Мюрцштегской программы реформ.

Сербский посол в Вене М. Вуйич писал Н. Пашичу, что «здесь военные и общественные круги не только не верят в возможность успешного осуществления программы реформ, более того, надеются на осложнения, которые привели бы их к желаемой аннексии – и далее, к оккупации и за пределами Митровицы» [\[5, с. 911\]](#). Кроме того, он отмечал различие в оценке ситуации и среди русских дипломатов. В частности секретарь российского посольства в Белграде (временно замещавший функции посла вследствие отъезда Н. В. Чарыкова) В. В. Муравьев-Апостол-Коробьин придерживается «совершенно такого же мнения» о планах Двуетной монархии, а вот бессменный посол России в Австрии с 1895 г. П. А. Капнист «хочет верить в полную искренность Австро-Венгрии в балканском соглашении, а всякую негативную новость сразу воспринимает, как спекуляцию балканских народов на австро-русских различиях» [\[5, с. 912\]](#). Об этом же писал и дипломат А. Н. Щеглов: «проездом через Вену я виделся с нашим послом в Австрии, и граф Капнист сказал мне, что по его убеждению Габсбургская империя ничего не предпримет ныне к нарушению «status-quo» на Балканах, если ее не вынудят к тому происки сербов, черногорцев и болгар в оккупированных провинциях или в Старой Сербии» [\[9, с. 113\]](#).

Необходимо отметить, что П. А. Капнист еще в 90-е гг. XIX в. выступал как один из горячих сторонников сближения двух империй, но при этом полагал, что простое поддержание статус-кво не отвечает русским интересам на Балканах, и, в связи с этим, выдвигал план по совместному с Австрией разделу европейских территорий Турции между балканскими государствами. Министр иностранных дел В. Н. Ламздорф подверг критике предложения Капниста, заявив, что это диаметрально расходится с миролюбивой политикой, которую выбрала Россия. Поэтому одной из важных задач дипломата на посту в Вене являлось удержание молодых балканских стран от опрометчивой политики, которая могла бы втянуть страну в крупный военный конфликт.

Наряду с М. Вуйичем, большое внимание этой проблеме уделял еще один выдающийся сербский политический деятель М. Милованович, в разные годы занимавший должности министра юстиции, министра финансов и премьер-министра королевства Сербия. В 1904 г. он представлял страну в Италии и работал над тем, чтобы добиться расположения Италии в контексте балканского вопроса и формирования военно-политических альянсов [\[1\]\[2, с. 27\]](#). Милованович придерживался мнения, что балканские страны должны вместе, общими усилиями остановить дальнейшее развитие македонского движения, так как это может помешать всем остальным народам на Балканах в решении своих национальных задач, поскольку они к этому еще не готовы. Именно в этом и видел дипломат основную цель зарождающегося балканского союза. «Мое мнение, которое я вижу своим долгом Вам сообщить, – что сейчас, когда Япония уже бросила перчатку России, и когда Россия вынуждена собирать все свои силы на Дальнем Востоке, первая, самая необходимая задача состоит в том, чтобы сделать все, чтобы между Сербией,

Черногорией и Болгарией было достигнуто соглашение не ради решения македонского вопроса, а исключительно на практическом поле защиты совместных интересов против чужаков» – писал он Н. Пашичу [\[5, с. 925\]](#). В то же время, однако, Милованович с недовольством замечал, что каждая из балканских стран «тянет одеяло на себя», а также подчеркивал опасность того факта, какое сильное влияние имеет Австрия среди албанского населения [\[5, с. 944\]](#).

Н. Пашич с большим вниманием отнесся к оценкам М. Миловановича и его впечатлениям от общения с итальянскими правящими кругами. Кроме того, в конце февраля министру иностранных дел пришла информация о том, что благодаря интригам Вены, в Скопье, Куманово и ряде других районов Косовского вилайета поставлены для наблюдения не русские жандармы, как это предполагалось изначальным планом реформ, а австрийские [\[5, с. 967\]](#).

Этот факт убедил сербское руководство поспешить с разработкой текста союзного договора, который был отправлен в Черногорию 27 апреля 1904 г. В его основу закладывался принцип «Балканы – балканским народам», а также определялся основной круг территориальных притязаний обоих государств. Так, в сферу интересов Сербии входили: Сеница, Нови-Пазар, Митровица, Скопье до Вардара, Битоль и Охрид, а Черногории: Плевля, Беране, Печ, Призрен, Скадар и Драч [\[10, с. 276\]](#). Помимо этого, стороны договаривались совместно пресекать какую-либо интервенцию в решение албанского вопроса применительно к району Скадара, и употреблять для этого, если потребуется, силу оружия. Интересным представляется подчеркнуть тот факт, что к этому моменту Сербия решила признать претензии Черногории на Печ и Призрен, ранее являвшиеся предметом серьезных споров между князем Николой и королем Александром.

Несмотря на то, что этот проект был, в целом, принят черногорским правителем, он посчитал нужным внести в него ряд изменений. В частности, он полагал обязательным внести пункт о роли России как своего рода инициатора и наблюдателя при заключении договора, а также предлагал подчеркнуть особую роль Скадара как исконно сербской территории. Вполне справедливо в данном случае утверждение Н. Ракочевица о том, что это было сделано князем в стремлении обеспечить интересы своей династии от возможных намерений Италии и Австро-Венгрии включить эти территории в состав независимой Албании [\[2, с. 29\]](#). Попытка включить в текст соглашения Россию едва ли была необходимостью (так как в договоре уже фигурировал пункт о том, что она будет выступать третьей стороной в возможных сербско-черногорских спорах), а скорее свойственной князю Николаю политической хитростью. Подобным шагом он как бы показывал преданность и верность русскому императору. В то же время, именно это и стало, по всей видимости, камнем преткновения между Черногорией и Сербией.

С данными поправками был ознакомлен и российский представитель в Цетинье А. Н. Щеглов, а затем копия проекта была отправлена в МИД и императору Николаю II, который его полностью одобрил, так как сербско-черногорский союз под покровительством России, еще более подчеркнул бы степень ее присутствия и влияния на Балканах [\[11, с. 455\]](#).

В Сербии же сочли поправки излишними и не меняющими суть договора, а включение в него пункта, касающегося России, вообще невозможным. Как писал Н. Пашич в ответном письме черногорскому МИД 3 июня 1904 г., это не имеет никакого значения в деле поддержания статус-кво, но накладывает, в то же время, ненужную ответственность на

Петербург за все то, что предпримут в дальнейшем балканские страны. Хорошо понимая политику князя Николая, он довольно колко замечал: «Русским приятно видеть, как мы работаем в согласии с курсом их политики, но не когда им говорят, что все это делается лишь из стремления им угодить, так как в этом они видят лукавство своих младших братьев, которые действуют, исходя из корысти чтобы связать долгом брата старшего» [\[10, с. 374\]](#).

Тем не менее, князь Никола предпочел твердо остаться на выраженных им принципах и уточнения сербской стороны не принял. В дальнейшем был предпринят ряд попыток все-таки добиться подписания союзного договора, к которому позднее Черногория предлагала добавить и торговый [\[10, с. 727\]](#). Без особого успеха переговоры продолжались еще около года, при этом нисколько не сдвигаясь с мертвой точки. Не улучшило ситуацию и присутствие черногорской делегации на коронации Петра Карагеоргиевича в Белграде осенью 1904 г.

В свою очередь Россия, занятая войной с Японией, на некоторое время перестала вмешиваться в балканские проблемы, а МИД не давал никаких рекомендаций своим сотрудникам относительно того, следует ли способствовать налаживанию отношений между балканскими странами.

Сами российские дипломаты на местах придерживались различного мнения как о необходимости, так и возможности заключения сербо-черногорского союза, а позднее, вероятно опасаясь ненужных осложнений на Балканах, и вовсе перестали его поддерживать. Как отмечается в монографии Н. И. Хитровой, А. Н. Щеглов и П. А. Капнист в этом вопросе занимали позицию Черногории и полностью одобряли вносимые Черногорией в текст соглашения поправки [\[3, с. 204\]](#). Весной 1905 г. Щеглову пришлось покинуть Цетинье, а его место ненадолго занял дипломат Ю. Я. Соловьев, который открыто заявил министру иностранных дел Г. Вуковичу о том, что кроме покровительства России, стране вообще не нужны никакие другие союзы [\[2, с. 36\]](#). В то же время, вполне вероятно, это было частное мнение Соловьева, достаточно резкого в высказываниях человека, о чем свидетельствует дипломатический скандал, после которого он был отозван из Черногории [\[3\]\[12, с. 162\]](#).

Н. Ракочевич, опираясь в своей работе на мемуары Г. Вуковича, пишет, что министр иностранных дел и князь Николай восприняли эту позицию как демарш русского правительства, и видит в этом главную причину, по которой договор так и не был подписан [\[2, с. 37\]](#). Н. И. Хитрова, основываясь на российских дипломатических документах, не подтвердила эту версию и выразила мнение, что виной всему были неразрешимые территориальные споры между соседями [\[3, с. 205\]](#). В то же время, это утверждение не в полной мере соответствует действительности, так как сравнение всех проектов договора показывает, что стороны, в целом, очертили круг желаемых территорий и на тот момент пришли к взаимопониманию, а возможные споры по разграничению должны были бы решаться уже после их приобретения.

Подводя итог, можно еще раз отметить, что зародившиеся под влиянием македонского национально-освободительного движения надежды на сближение Сербии и Черногории, не оправдались. В виду осложненной коммуникации между странами в виду отсутствия дипломатических представителей как в Сербии, так и в Черногории, и вследствие этого, ограниченности источников, на сегодняшний день представляется трудным в полной мере охарактеризовать все причины, по которым союз между Сербией и Черногорией, предполагавшийся одним из шагов к балканскому союзу, так и не был заключен.

Большую роль, несомненно, оказали жесткие позиции и даже упрямство политиков обеих сторон. «Провал переговоров показал, что нереальными были ожидания, что с изменениями в Сербии отношения двух стран улучшатся» – пишет Р. Распопович в своей монографии, посвященной черногорской дипломатии [\[11, с. 456\]](#). Он заключает, что сербско-черногорские отношения в этот период стали даже хуже, чем в период правления Александра Обреновича, что подтверждается отсутствием сербского посла в Цетинье. Подобного мнения придерживался и Р. Люшич на основе анализа мемуаров Г. Вуковича, где приведено немало свидетельств о плохих личных отношениях между двумя правителями – Петром Карагеоргиевичем и Николой Петровичем-Негошем [\[8, с. 148-149\]](#). Без сомнения, исследователи правы в этом вопросе. Вплоть до событий Боснийского кризиса 1908 г. отношения между двумя странами будут лишь ухудшаться, апогеем чего станет т.н. «процесс о бомбах», когда черногорский правитель обвинил официальный Белград в подготовке покушения на него.

Тем не менее, в официальных отношениях между странами находилось место и конструктивному сотрудничеству. С 1903 г. на регулярной основе путем личной переписки между министрами иностранных дел Н. Пашичем и Г. Вуковичем шли сербско-черногорские переговоры по общим текущим проблемам. В ходе них Сербии и Черногории удалось урегулировать назревающий миграционный кризис, связанный с большим количеством черногорцев, желающих переселиться в Сербию, договориться о новых таможенных тарифах и подписать торговую конвенцию [\[10, с. 535\]](#). Несмотря на то, что военный союз не был заключен, страны официально скоординировали основное направление политики по отношению к Австро-Венгрии и Турции, выразили стремление продвигать принцип «Балканы – балканским народам», который позднее официально поддержит Россия. Кроме того, впервые были подчеркнуты значение и опасность албанского вопроса по отношению к национальным сербо-черногорским интересам.

В то же время, основная причина неудачного результата переговоров, как нам кажется, состояла в том, что внешняя политика обоих государств переживала период трансформации, и к тому моменту ее курс по отношению к балканской проблеме был выработан лишь в самом общем смысле, без учета всех значимых факторов, исключительно под влиянием слухов о возможных попытках Австрии захватить сербские территории. Таким образом, мысль о союзе была продиктована актуальной политической потребностью. И если риторика князя Николы в беседах с дипломатами нередко была воинственной по отношению к своим исконным врагам, то в Сербии, напротив, стремились сохранять статус-кво как можно дольше, и получив успокоительные гарантии, что Вена не стремится к аннексии Новопазарского санджака [\[13, с. 700\]](#), перестали рассматривать военный союз с Черногорией необходимым. Об этом свидетельствуют и донесения российского посла в Сербии К. А. Губастова. «<...> Король сказал, что он более всего желает, чтобы в этом году не было серьезных замешательств на Балканском полуострове, которые для Сербии совершенно несвоевременны» – сообщал он российскому МИД в апреле 1905 г. [\[14, с. 396\]](#).

Должно было пройти еще немало времени, чтобы обе страны оказались готовы совместно с другими силами на Балканском полуострове начать борьбу за свои национальные устремления.

Библиография

1. Алексић Љ. О српско-црногорским преговорима о Савезу 1904–1905. Историја XX века. Зборник радова. Т. I. 1959.

2. Ракочевић Н. Политички односи Црне Горе и Србије 1903–1918. Цетиње, 1981.
3. Хитрова Н.И. Россия и Черногория в 1878–1908 годах. Ч. 1. М., 1993.
4. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. Отв. Ред. Киняпина Н.С. М.: Наука, 1978.
5. Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914. Књига 1, Свеска 1. Београд: САНУ, Одељење историјских наука. 1991.
6. Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. Т. 4. Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914.–М.: Кучково поле, 2018.
7. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата: Пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Международные отношения, 1991. — 344 с. — (Россия в мемуарах дипломатов).
8. Љушић Р. Добри брат и кум Никола или Гавро Вуковић о црногорско-србијанским односима // Перо и повед: Српско друштво у сећањима. Београд, 1999.
9. Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. М.; Подгорица, 2003.
10. Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914. Књига 1, Свеска 2. Београд: САНУ, Одељење историјских наука. 1998.
11. Raspopović R. Istorija diplomatije Crne Gore 1711–1918. Univerzitet Crne Gore, Podgorica, 2009.
12. Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М.: Соцэкгиз, 1959
13. Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1903–1914. Књ. 1. Св. 3/1. Београд: САНУ, Одељење историјских наука. 2014.
14. Русские о Сербии и сербах. Том II (архивные свидетельства). М.: «Индрик», 2014.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Находящийся на перекрестке Европы и Азии Балканский полуостров с древнейших времен находился в центре внимания различных политических сил. В конце XIX в. в условиях резкого ослабления "больного человека" Европы - Османской империи - в регионе набирает силу движение югославянских народов за независимость: особенно ярко союз южных славян отразился в рамках Первой Балканской войны. К сожалению, внутренние распри и внешние факторы не способствовали сплочению Болгарии и Сербии, что, в конечном итоге, привело к кризису Второй Балканской войны. Тем интереснее проследить как в начале XX в. формировались отношения между Сербией и близкой ей ментально Черногорией.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются сербо-черногорские отношения в начале XX в. Автор ставит своими задачами показать роль России в поддержке славянских народов Балканского полуострова, рассмотреть характер отношений между Сербией и Черногорией в этот период, определить причины, по которым союз этих государств не был сформирован.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого по определению академика И.Д. Ковальченко находится

"последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения", а его отличительными сторонами выступают конкретность и описательность.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе

различных источников стремится охарактеризовать проблемы становления в 1904-1905 гг. сербско-черногорского военного союза.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 14 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежных материалов, в том числе на сербском языке. Из привлекаемых автором источников укажем на опубликованные документы и воспоминания, в частности, Дж. Бьюкенена, Ю.Я. Соловьева и др. Из используемых исследований укажем на труды Н.И. Хитровой и О.Р. Айрапетова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения международных отношений на рубеже XIX - XX вв. Заметим, что библиография обладает важностью, как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме.

В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется, как историей славянских народов Балканского полуострова, так и их борьбой против Османской империи, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи. Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "под влиянием новых противоречий в европейской политике, Сербия и Болгария с одной стороны, Сербия и Черногория с другой, решают объединить усилия для борьбы за свои интересы в европейских областях Турции, населенных славянами, и защиты от попыток Австро-Венгрии усилить экспансию на Балканском полуострове". Автор подробно рассматривает позицию сербских и черногорских властей по вопросу военного союза. Примечательно, что "если риторика князя Николы в беседах с дипломатами нередко была воинственной по отношению к своим исконным врагам, то в Сербии, напротив, стремились сохранять статус-кво как можно дольше, и получив успокоительные гарантии, что Вена не стремится к аннексии Новопазарского санджака, перестали рассматривать военный союз с Черногорией необходимым". В то же время вызывает интерес, что "впервые были подчеркнуты значение и опасность албанского вопроса по отношению к национальным сербо-черногорским интересам".

Главным выводом статьи является то, что

"основная причина неудачного результата переговоров, как нам кажется, состояла в том, что внешняя политика обоих государств переживала период трансформации, и к тому моменту ее курс по отношению к балканской проблеме был выработан лишь в самом общем смысле, без учета всех значимых факторов".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".